Ника Батхен

Фараоново племя

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3003915
Русская фантастика 2012 : Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-55361-7*

Аннотация

«Антон Горянин был неудачливый человек. Точнее, невезучий фотограф.

Ему пришлось стать фотографом, когда отец безнадежно слег. Без выставок не вступишь в Союз художников, а без красной корочки в кармане не удержишь за собой мастерскую. Антон жил на Зеленина, в бывшем доме герцога Лейхтенбергского, в огромной застекленной мансарде среди мольбертов, гипсовых бюстов и прочего хлама, оставшегося от отца и, скорее всего, от деда. Оба писали вождей, заводские пейзажи и голых женщин в свободное время, оба были фанатиками искусства. У Антона же с красками с юности не срослось. Зато с первой же „мыльницы“, сменянной за бутылку у пьянчужки с первого этажа, пошли приличные кадры – оказалось, что у него к сорока годам прорезался верный глаз и то чувство композиции, которое сродни абсолютному слуху у музыкантов. Отец, уже лежа в диспансере на Березовой, успел порадоваться серии из двенадцати отражений – Антону захотелось снять город через мокрый асфальт, лужи и стекла витрин. Но на выставку – даже с поддержкой друзей отца, которой надо было пользоваться, пока держалась добрая память о старом Горянине, – не хватало...»

Ника Батхен

Фараоново племя

Антон Горянин был неудачливый человек. Точнее, невезучий фотограф.

Ему пришлось стать фотографом, когда отец безнадежно слег. Без выставок не вступишь в Союз художников, а без красной корочки в кармане не удержишь за собой мастерскую. Антон жил на Зеленина, в бывшем доме герцога Лейхтенбергского, в огромной застекленной мансарде среди мольбертов, гипсовых бюстов и прочего хлама, оставшегося от отца и, скорее всего, от деда. Оба писали вождей, заводские пейзажи и голых женщин в свободное время, оба были фанатиками искусства. У Антона же с красками с юности не срослось. Зато с первой же «мыльницы», сменянной за бутылку у пьянчужки с первого этажа, пошли приличные кадры – оказалось, что у него к сорока годам прорезался верный глаз и то чувство композиции, которое сродни абсолютному слуху у музыкантов. Отец, уже лежа в диспансере на Березовой, успел порадоваться серии из двенадцати отражений – Антону захотелось снять город через мокрый асфальт, лужи и стекла витрин. Но на выставку – даже с поддержкой друзей отца, которой надо было пользоваться, пока держалась добрая память о старом Горянине, – не хватало.

«Мыльницу» на похоронах кто-то случайно спихнул со стола и раздавил по пьяни. Почесав в затылке, Антон выгреб заначку – он работал охранником в супермаркете, получая ровно столько, чтобы жить самому и подкидывать копейку двум детишкам от двух давно уже бывших жен, – и пошел в «комок» на Ветеранов. Там работал старый приятель по кое-каким делам, он уступил по дешевке громоздкий «Пентакс». Радостный Антон всюду таскал аппарат, осваивая работу с выдержкой, резкостью и глубиной кадра. На барахолке он купил учебник времен перестройки и в свободное время, ворча под нос, изучал тонкости ремесла. Потом камеру срезали в метро – ехал после работы, уснул от усталости, а когда услышал «Чкаловская», оказалось, что сумки нет. Сам дурак, что тут скажешь.

Месяц на крупах с чаем – и маленький «Кэнон», серебристый, приятно тяжелый, поселился в поясишке. Он был маловат для больших рук Антона, но зато «стрелял» метко. Получалось играть со светом, щелкать лестничные проемы и спирали перил в те минуты, когда рассветное солнце пробивается из окон... но и это счастье оказалось недолгим. Съемка на пляже у Петропавловки, пыль в объектив, попытка закрыть зум пальцами – и прощай, хрупкий механизм. Антон задумался, не запить ли с горя – он крепко завязал после второго развода, но сейчас ему было обидно. Вместо этого продал последний дедов фарфор и завел себе новенькую «зеркалку» в блестящей коробке, с гарантийным талоном и длинной инструкцией. Жизни шикарной технике было пять недель и три дня. Пришел на набережную поспать чаек, перегнулся через парапет, рванул ветер – и горе-фотограф упустил камеру прямиком об гранит. Хоть плачь!

Подсчитав, сколько денег ухлопано за полгода, Антон было собрался завязать с фотографией, но, пожив с пустыми руками пару недель, отчаянно заскучал. Как назло – то парили в апрельском, отмытом до ясной голубизны небе белые голуби, то на белой стене плясали силуэты играющих в мяч детей, то типичная питерская старуха, приподнимаясь на цыпочки, развешивала белье – огромные, колышущиеся под ветром простыни. Бродить по улицам становилось невыносимо, с тоски Антон решил освободить от хлама вторую комнатушку в мастерской. Теоретически ее можно было бы сдать. Практически оправдались надежды – Антон смутно помнил, что отец как-то пробовал фотографировать, но забросил. А «Киев» не продал, хотя в свое время камера была роскошью.

Проявка пленки вручную и перевод кадра на мокрую бумагу оказались сродни детскому волшебству, когда из ничего вдруг создается чудо. Пару десятков самых удачных сним-

ков Антон загнал в паспарту и развесил по стенам. Копии сложил в папку, отнес старым друзьям отца, его работу сдержанно похвалили. Со вступлением в Союз надо было поторопиться, из жилконторы уже приходили какие-то юркие типы с подозрительными глазами, тыкали пальцами в потеки на потолке и обещали признать мансарду аварийной. Немудрено – квартиры в старинном доме стоили бешеных денег.

«Киев» остался в речном трамвайчике. Заболтался с попутчиком, старым фотографом из Екатеринбурга – тот приехал повидать родню, а заодно поснимать мосты и каналы, вместе вышли, заглянули в кафе хлопнуть по маленькому двойному. После кофе Антон потянулся за сигаретами – и вспомнил, что оставил кофр на забрызганной скамейке. На отцовской камере его сорвало с резьбы – пил три дня, забил на работу, в клочки изорвал фотографии. Остановился неожиданно быстро – позвонил сын, напомнил, что в воскресенье он обещал поснимать их спектакль в школе. Дети в подвале играли в Шекспира...

На руках оставалось немного денег – немного, с учетом, что из супермаркета Антон вылетел и совершенно не представлял, как скоро отыщет новое место. Старый приятель мог бы уступить кое-что в кредит, но за этот кредит непременно пришлось бы расплачиваться ответной услугой, а год условно у него уже был. Оставалась Уделка и призрачная надежда на удачу. Антон завел будильник и выбрался на барахолку к восьми, чтобы успеть обойти перекупщиков, снимающих сливки с немудрящих товаров. К виду длинных, неопрятных, милосердно прикрытых утренним туманом рядов он давно привык. Продавцы разложили свои сокровища на газетках, рогожах, заляпанном полиэтилене, а то и прямо на подсохшей майской грязи. Картины, корзины, картонка – настоящая шляпная картонка из тонкой фанеры с пожелтевшей этикеткой «Мадам Шапелль», бронзовая дверная ручка, фарфоровая пастушка, старые ковбойские сапоги, чугунный утюжок, собачий ошейник с шипами. А вот и дядя Петя с волшебным столиком! Оглядев с десятков камер разной степени ветхости, Антон скис – все было или плохо, или дорого, или плохо и дорого одновременно. Он побрел вдоль рядов, вглядываясь в разношерстное барахло. Коллекция ржавых крестов, касок и прочих трофеев «черных копателей» вызвала отвращение – он не любил ни фашистов, ни грабителей могил. Антон перешел в другой ряд, ближний к путям, дошел до последней кучки – жалких пуговиц, ниток и мотков шерсти, под присмотром дряблой старухи. Грязный чехол от «Зенита» лежал чуть поодаль, словно стесняясь соседства. Взглядом спросив разрешения, Антон взял его в руки и раскрыл. Там лежала выдавшая виды камера, с исцарапанным зернисто-серым корпусом и округлыми формами. Надпись Leica серебрилась по верхней крышке, объектив выглядел пыльным, но целым, затвор ходил мягко – хороший пленочный аппарат, даром что очень старый. Сделав незаинтересованное лицо, Антон осведомился, сколько бабка желает за эту рухлядь, кое-как годную на запчасти. Ушлая старуха заверила, что эта прекрасная камера работает как швейцарские часы, сосед-покойник делал с ней выдающиеся портреты, а если всяким хочется рухляди, вон она, рухлядь, со всех четырех сторон грудится, иди да выбирай, а честных людей не хули и от товара не отпугивай, ирод. Сошлись на полтора тысячах.

Дома Антон тщательно протер стекло, аккуратно заправил в камеру пленку и пару раз щелкнул классический натюрморт, сохранившийся на столе от вчерашней попойки, – пустую бутылку, граненый стакан и селедочный хвост на газете, в пятне мягкого света, золотом столбе пыли. Его удивила покорность техники, словно бы он не нажимал на кнопку аппарата, а отдавал команды собаке. Впрочем, звезд с неба он не ожидал.

Школьный спектакль оказался жалкой подделкой под «Ромео и Джульетту» в постановке учительницы литературы, которой не давали покоя голливудские лавры. Долговязые десятиклассники в современных костюмах выдавали зубодробительные диалоги, младшие путались под ногами, изображая слуг и создавая фон. Его Пашка, к вящей гордости матери, был шестеркой у Монтекки и смешно затевал драку с бандитами Капулетти. На взгляд

Антон, пацан с годами все больше становился похож на прадеда. И играл неумело, но искренне. А вот света на съемку могло и не хватить. И смотрелся он со своей пленочной дурой жалко, по сравнению с мощными цифровыми камерами у других папаш и мамаш. О чем не преминула сообщить Ленка – пять лет как развелись, а она все не унималась. Ну да бог с ней. Антон хотел после спектакля отвести сына в кафе поесть мороженого, но перспектива провести лишний час со сварливой бабой его не устроила. Ограничился сторублевкой, тихонько сунутой в карман куртки, и дружеским хлопком по плечу – наш человек!

С пленкой он возился долго и тщательно – хотелось порадовать сына, а заодно доказать, что папка не лыком шит. Получилось неплохо – удачный кадр с дракой на сцене, четкие портреты, хороший финал, когда детки во главе с похожей на пожилую козу учительницей вышли кланяться. И последний кадр – неизвестно откуда взявшееся обрамленное бахромчатым платком, морщинистое лицо старухи со скорбным взглядом продолговатых глаз. Антон слегка удивился, но решил, что случайно щелкнул портрет с декорации или школьной стены – больше неоткуда.

Неделю он не брался за камеру – подвернулась халтура сторожем на парковке, и из нее надо было выжать все, что возможно. Потом из Минска как снег на голову свалилась Хелли, старая боевая подруга тех славных времен, когда Антон звался Туаном и просиживал штаны на подоконниках странных кафе и ступенях не менее странных лестниц. Двое суток были вычеркнуты из числа ночей жизни, как сказала бы Шахерезада. Потом, осмелев, он уговорил Хелли сняться голой – если лицо выдавало в ней женщину, много и вкусно пожившую, то маленькая дерзкая грудь и плоский живот смотрелись не хуже, чем у двадцатилетних. Вдохновленный, он ожидал чудес от фотографии – но оказалось, что женская красота в его исполнении обернулась банальными сиськами. Только один кадр лег хорошо – проступающий мягкий контур груди с девическим заостренным кончиком и похожей на мушку родинкой у ареолы. Никаких пятнышек на груди боевой подруги отродясь не было, и соски у нее оттопыривались как кнопки. На всякий случай он показал снимок Хелли – нет, грудь не ее, и она понятия не имеет, какая герла засветилась на фотке.

Интереса ради Антон прошелся по городу, щелкая, что подвернется под руку. На пленке оказались еще два кадра, снятых не им, – зимний пейзаж какого-то провинциального городишки и невеселая лошадь со звездочкой на лбу. Мистика какая-то – осталось только отыскать этой чертовщине разумное объяснение. Вдумчиво и обстоятельно Антон начал эксперименты. Для начала распечатал по несколько кадров с трех пленок, добавил «лишние» и показал одному полужнакомому спившемуся репортеру. Тот безошибочно разделил карточки на две кучки, отметив чужие весомым «профи». У него же Антон одолжил «Зенит» и отснял кое-как три пленки – все в норме. А на «Лейке» – снова чужой кадр, заросший щетиной мужик в обнимку с толстым павлином. Неизвестные снимки с непредсказуемым сюжетом появлялись по одному-два на каждой пленке, вне зависимости от того, где и кого Антон снимал. Самое обидное – карточки были на порядок мощнее тех, что он делал сам. Не то чтобы Антон фотографировал плохо – нет, он знал, что результат есть и рост мастерства идет. Но его снимки по сравнению с чужими были все равно что производственные зарисовки отца по сравнению с монументальными полотнами деда. Теперь Антон понял, почему заслуженный деятель искусств РСФСР Павел Антонович Горянин не любил народного художника Антона Павловича Горянина, в особенности когда их картины пытались сравнивать.

Антон задумался, можно ли заставить «Лейку» снимать самостоятельно – все бывшие у него цифровики работали с таймером. Но здесь фокус не прошел. А вот снимки чистой стены дали забавные результаты. Тридцать шесть кадров. Цыганская кибитка, рядом с которой детишки играют с белыми голубями. Табор во всей красе, свадебное застолье, накрытое прямо на земле, блюда с какой-то снедью, исходящей белесым паром. Совсем юная, застенчивая невеста в кружевном платье, подчеркивающим ее смуглую кожу. Сидящий у тележного

колеса бородатый старик с хитрющими глазами и большой трубкой в скрюченных пальцах. Мальчишки на лошадях резвятся в реке, контровой свет подчеркивает силуэты. И двенадцать кадров серии – остролицая, тонкая девочка-мать в египетском наряде – высоком венчике, прозрачной тунике с бусами и длинным поясом, и дитя – упитанный мальчик, то играющий на руках, то мирно спящий в корзине. «Младенец Моисей и принцесса, дочь фараона», – подумал Антон. Снимки притягивали взгляд неожиданной глубиной, темной горечью, статичные позы женщины копировали фигуры фресок. Это было искусство. Вот только чье?

В задумчивости Антон распечатал снимки и отнес к старику Осиповцеву – художнику-портретисту, другу отца. Тот пришел в полный восторг, попросил оставить карточки, чтобы показать кое-кому. С замиранием сердца Антон ждал результатов. Ему уже пришлось извещение, и вопрос с Союзом художников следовало решать как можно скорее. Через неделю дребезжащий голос в трубке обрадовал Тошеньку, что первая выставка ему будет. В районном клубе, где детишки играют на фортепьяно и в шахматы, а их мамы учатся танцевать танец живота и стрип-данс. Мало, но лучше, чем ничего. Добряк Осиповцев постарался, и на открытии была публика – человек десять. Одному из них, неприятно гибкому парню в чересчур обтягивающих штанах, фотографии страшно понравились. Все ходил, прищурясь, разглядывал, потом представился Стасиком и попросил снимки в электронке. В компьютерах Антон разбирался плохо, поэтому после недолгих колебаний поехали к Стасику домой, сканировать фотографии. Новый знакомый оказался безобидным фотоманьяком – тем же вечером он похвастался своими карточками, отражающими его пристрастие к БДСМ, шибари и мужской натуре. Но в съемке он понимал, и Антон заинтересовал его именно как фотограф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.